

Rubcova, Natal'ja Sergejevna

Обрeтeм ли мы крылья? : поиск ответов в рассказах Карела Чапека и Игоря Иртеньева

Новая русистика. 2017, vol. 10, iss. 2, pp. 61-69

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/137431>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Обречем ли мы крылья? Поиск ответов в рассказах Карела Чапека и Игоря Иртеньева

Наталья Сергеевна Рубцова

(Дзержинск, Россия)

Серый, запыленный интеллект,
Обойденный Божьим вдохновеньем,
Не зачислен в царственный проект
Измененья мира дерзновеньем.

Петр Скворцов

Что может сделать человека действительно свободным? Только он сам — его собственная воля, которая дает ему все возможности, чтобы подняться над неблагоприятными обстоятельствами, над бытийностью, а также над собственным страхом, над сомнениями и иллюзиями. Только в самом человеке, в его внутренней борьбе, может родиться дерзновение, благодаря которому, говоря символически, он обретет крылья.

В искусстве и, в частности, в мировой литературе, проблема внутренней свободы и несвободы с полным правом может называться вечной. И раскрывается она, в том числе, именно через тему полета. Эта тема существовала еще в древности, отражаясь в образах крылатых богов, героев или иных мифических существ (шумерские Шамаш и Ашшур, египетская Нейт, древнегреческие Икар и Дедал, богиня Ника и др.).¹ В художественной литературе всех эпох она появлялась и у поэтов, и у прозаиков. Чрезвычайно богато представлен символический потенциал неба как пространства, дарующего свободу, в лирике романтиков (вспомним поэзию А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова). В поэзии

¹ Известно, что особый сакральный смысл имел и символ крылатой ступни (например, у бога Гермеса или у буддийских святых): он символизировал духовное вознесение.

английских романтиков, например, в творчестве П. Б. Шелли и Дж. Китса, символизируется и небо, и образ птицы, рвущейся в полет. Подобные образы широко представлены и у поэтов серебряного века. В прозе яркими примерами (лишь некоторыми из множества) являются образы Ужа и Сокола у Максима Горького, рассказ «Очень старый человек с огромными крыльями» Габриэля Гарсиа Маркеса, многогранные размышления Булгакова в «Мастере и Маргарите».

Стоит упомянуть в связи с этим и образ Грегора Замзы в «Превращении» Франца Кафки (1912). По интересной версии писателя и энтомолога Владимира Набокова, у жука Грегора (в оригинале *Ungeziefer* — вредное насекомое, паразит) под жестким покровом на спине находились крылья, о которых ему так и не стало известно. Говоря о своем восприятии Замзы, Набоков заключает: «Некоторые Грегоры, некоторые Джонны и Дженни не знают, что у них есть крылья» [НАВОКОВ 1915].

Подобные творческие поиски внутренних сил для преодоления гнета окружающей реальности наиболее явственны в непростые, пиковые моменты истории, когда зачастую человек бывает поставлен на грань. В такие моменты тема невидимой крылатости становится особенно актуальной.

Один из наиболее выразительных примеров тому — рассказ «Человек, который умел летать»,² созданный в 1938 году чешским писателем и философом Карелом Чапеком. Тонко отражая в каждом своем произведении многие грани человеческой жизни, этот писатель, конечно, не мог не отреагировать и на глобальную надвигающуюся опасность — зарождение гитлеровского злого гения.

Откликом на эти события, приведшие к стольким трагическим последствиям, стали, в том числе, и рассказы Чапека. Причем откликом намного более глубоким, чем может показаться при взгляде на малую прозу с откровенно «невоенной» тематикой. Однако Чапек пытается донести до своего читателя главное: в такой пограничной ситуации от каждого человека требуется заново ответить самому себе на жизненно важные вопросы этики, совести, чести — вопросы о самой сути человечности.³ И более того, необходимо найти в себе силы внутренне оставаться по-настоящему свободными.

2 Рассказ был впервые опубликован в газете *Lidové noviny* от 1 мая 1938 года. Впоследствии он был издан в сборнике *Vajky a podpovídky* (1946). Издание было подготовлено Мирославом Галиком на основе папки с рукописями и газетными вырезками из личного архива писателя. Чапек назвал эту папку «Маленькие рассказы».

3 Об этом внутреннем отвоевывании самого себя впоследствии писал Эрнест Хемингуэй: «Глядя на [...] жизнь и борьбу и смерть, начинаешь понимать, что есть вещи и хуже войны. Трусость хуже, предательство хуже, эгоизм хуже» [CHEMINGUË 1959].

Поэтому в 1938 году Чапек в своем рассказе «Человек, который умел летать» говорит не о фашизме — он говорит о способности расправить внутренние крылья.

Чапек повествует о совершенно обычном человеке, пане Томшике, который необъяснимым образом обретает удивительное, уникальное свойство, — он может летать. Томшик поначалу наслаждается новообретенным умением, пробует летать всеми возможными способами, совершает по-детски наивные проделки (например, проникает в чью-то квартиру через окно и оставляет записку с традиционным содержанием: «Был здесь! Мститель Икс»). Наконец, Томшик решает поделиться опытом с остальным человечеством: «Может быть, это станет новым видом спорта. Или, например, вполне возможно разгрузить уличное движение, если люди начнут передвигаться по воздуху. Можно будет обойтись без лифтов. И вообще возможности громадные. Представление о них было у Томшика, правда, самое смутное, но в конце концов все образуется. Каждое великое открытие сперва казалось безделкой».⁴ Но едва чудесная способность стала достоянием гласности, за Томшика взялись «серьезные», «солидные» ученые из Государственного института физической культуры. В лице университетского профессора они подвергли «механику полета» Томшика тщательнейшему анализу и обнаружили в ней множество ошибок. Как завершает автор, «с того дня Томшик больше не умел летать».

В России рассказ впервые был опубликован лишь в 1958 году — спустя двадцать лет после его создания. Причем в пятитомное собрание сочинений он так и не вошел [ЇАРЕК 1958–1959]; читатели могли познакомиться с ним только на страницах журнала «Иностранная литература в переводе Ю. Молочковского» [ЇАРЕК 1958, 76–89]. При этом показательно, что в 1938 году на русском языке отдельной книгой выходит в печать роман Чапека «Война с саламандрами», а в 1939 году издается пьеса «Мать». Это вполне ожидаемо и объяснимо: в период жесткого тоталитарного контроля сюжет, в котором главному герою на корню пресекают всякое желание и умение летать (то есть отличаться от других, быть свободным, дерзать), конечно, не мог быть одобрен для печати.

Так что и появление «Человека, который умел летать» в «Иностранной литературе», и выход в свет самого журнала, и издание первого крупного собрания сочинений Чапека в конце 50-х – начале 60-х годов, в период хрущевской «оттепели», уже можно было назвать настоящим прорывом. По сути, именно благодаря этой скромной журнальной публикации рассказ получил известность и наконец начал издаваться. В каждом последующем десятилетии он уже регулярно попадал в руки советских и русских читателей.

4 Здесь и далее цитаты по изданию [ЇАРЕК 1988, 131–137].

Новейший сборник избранных произведений Чапека вышел в 2016 году и был красноречиво назван по одноименному рассказу — «Человек, который умел летать» [ՇԱՔԵԿ 2016]. И это вполне закономерно. Сегодня мы тоже находимся в своего рода пиковой точке напряжения. Нынешнее время не менее сложно, хотя и по-своему. Войны имеют разное обличье и ведутся все более изощренными способами. И речь не идет об одних лишь вооруженных конфликтах. Столкновения в социуме происходят повсеместно: явно и скрыто, в том числе и, казалось бы, «безоружно». Естественно, что в этих условиях в современном российском обществе актуализируется и проблематика внутренней и внешней свободы.

В этом контексте привлекает внимание рассказ, который неожиданным образом вступает в диалог, в переключку с чапековским «Человеком...». Речь идет о рассказе «Страж небесный» [ИРТЕՆՅԵՎ 2014] российского (еврейского) писателя, нашего современника, Игоря Иртеньева.⁵

В прессе, в читательской среде, среди критиков и литературоведов Иртеньева часто называют «правдорубом» [ՏՎԻՆԱՐԵՆԿՈ 2007] Прежде всего, причина в критическом отношении этого автора к нынешней действительности в России. Острая ирония, а подчас и едкая сатира на современную российскую культурную и политическую ситуацию характерна для большинства его стихов.⁶ Нужно сказать, что подобный настрой в творчестве Иртеньева снискал ему немалое количество поклонников, поскольку современному поколению

5 Иртеньев Игорь Моисеевич (род. 1947). Ныне проживает в Москве и в Кармиэле (Израиль). Окончил Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии и Высшие театральные курсы. Первые публикации появились в 1979 г. Автор двадцати поэтических сборников. Член Союза писателей Москвы и Русского ПЕН-центра. Обладатель премии «Золотой Остап», а также литературных премий журналов «Огонек», «Октябрь», премии Союза журналистов России «Золотое перо». Участник телепередач «Монтаж», «Итого», радиопрограммы «Плавленный сырок».

6 В качестве примера приведем фрагмент одного из иртеньевских стихотворений, который достаточно ясно выражает позицию автора:

С молодых сравнительно ногтей,
Отдав себя перу,
Я был противником властей
И таковым умру.

В местком, профком, райком, обком,
Всех угнетенных друг,
Я двери открывал пинком,
Чтобы не пачкать рук.

Стихи Игоря Иртеньева представлены на сайте юмористического журнала «Беседер. Для тех, кому еще смешно» (главный редактор — Марк Галесник) [Beseder..].

россиян, в действительности, во многом импонирует принципиальная оппозиционность.

Однако творчество Иртеньева не замыкается в рамках одной лишь памфлетной политической сатиры. Ничуть не менее интересны социально-психологические наблюдения в его произведениях — и прежде всего в прозе. Таковы, например, рассказы «Добродеев и Негодяев (поучительная история)», «Записка», «Мягкий характер», «Экскурсия». Здесь откровенная сатиричность заметно смягчается или полностью исчезает. Настроению рассказов Иртеньева, а также некоторых его стихов, довольно сложно дать однозначное определение: чаще всего его можно охарактеризовать как горький юмор. Это не расходится с мнением самого автора. Игорь Иртеньев, по его собственным словам, отнюдь не причисляет себя ни к комикам в чистом виде, ни к сатирикам: «На мой-то взгляд, в моих стихах действительно есть ирония, но сама ирония — очень широкий расклад самых разных человеческих чувств. И тут вполне могут быть горькие чувства. Откровенного комикования у меня нет [...] Сатира имеет значение прикладное, социальное. А юмор [...] — божественная вспышка, это то, чем человек отодвигается от бездны» [L'VOVA 2016]. Думается, что подобные слова мог бы отнести к себе и Карел Чапек.

Итак, говоря сейчас о «диалоге» с Чапексом на тему внутренней свободы и несвободы, обратимся к рассказу (или же, в контексте сборника, в котором он вышел, к «волшебной истории», к сказке [IRTEN'JEV 2014]) «Страж небесный». Ни в комментариях к данному тексту, ни в интервью сам Игорь Иртеньев не упоминает о Кареле Чапеке и конкретно о его «Человеке...».⁷ Однако очевидна схожесть проблематики этих двух рассказов; перекликаются и некоторые сюжетные мотивы.

Главный герой рассказа — пятидесятичетырехлетний Глеб Никитич Шумаков, охранник (а по гордому самоопределению — секьюрити) в салоне красоты «Лесная нимфа». Глеба Никитича постиг тяжкий недуг: «он с ужасом обнаружил, что не может летать». Собственно говоря, проблемы с полетами начались у него после сорока — как и у большинства мужчин. Пытаясь найти выход из ситуации, Шумаков обращается к некоему «специалисту, восстанавливающему утраченные навыки полета в закрытых и открытых помещениях». В итоге специалист, еврей по национальности, за пятьсот рублей «возвращает» Глебу Никитичу способность летать — правда, только во сне, зато

7 При этом отсылка к рассказу Чапека, в принципе, вполне допустима. Например, поэтические тексты Игоря Иртеньева, абсолютно в духе постмодернизма, достаточно часто обращают читателя к творчеству поэтов прошлого, а порой даже представляют собой центонный текст. Об этом см. подробнее [SKVORCOV 2001, 285–302].

без всяких ограничений. А за дополнительные триста — устраивает на работу к своему брату в вышеупомянутый салон красоты.

Итак, оба рассказа роднит следующая мысль: в обществе, каким оно предстает в массе своей, крайне сложно отстоять всякую попытку обрести внутреннюю свободу, полет мысли. Главный герой Чапека осмелился быть «не как все» и, более того, хочет передать свой опыт другим (здесь напрашивается сравнение с Прометеем). Возможно, благодаря ему кто-то и смог бы приподняться над обыденностью своего мышления. Но общество оказывается не готово принять нечто необъяснимое, не укладывающееся в привычные рамки. Оно предпочитает жить в точности по заданным шаблонам: если уж отрываться от земли, то с правильной ноги и с утвержденными нормами разворотом туловища. И все-таки финал рассказа не трагичен, т. к., в принципе, Чапек не отрицает, что и кто-то другой однажды тоже сможет открыть в себе чудо полета.

Иртеньев, в свою очередь, рисует более печальную картину. Его Шумаков — ничем не выдающийся представитель общества, которое когда-то имело возможность летать, но утратило это умение, а самое главное — смирилось и уже не видит в этом ничего трагичного. В отличие от героев Чапека, иртеньевские персонажи изначально низводят полет до совершенно рутинного явления. Они давно разучились видеть в нем нечто чудесное и возвышенное. Полет соотносится в их глазах с такими банальными действиями, как, например, «слетать на рынок за картошкой» или «забрать ковер из чистки»; возникают и ассоциации с мужской потенцией. А стремление полететь после определенного возраста вообще воспринимается всеми как «блажь». Глеб Никитич еще пытается «вылечиться», но и жена Шура, и доктор, и друзья убеждают его, что он «не Икар, не Ариэль там какой, прости господи» и «случай это, мягко говоря, не уникальный». Складывается впечатление, что современный человек у Иртеньева — в принципе «птица невысокого полета». В итоге Шумаков, как и все остальные, получает некий суррогат: он летает во сне. Это максимум, на что он оказывается способен: «Каждый день, кроме пятницы и субботы, Глеб Никитич сидит в «Лесной нимфе» при входе [...] Глаза его обычно полуприкрыты. И только иногда по чуть вздрогнувшему веку можно догадаться, что он в этот миг стремительно взмывает под облака или, напротив, камнем падает из поднебесья. Но определить это способен только очень опытный специалист».

Кстати, здесь вновь можно увидеть значимую точку пересечения двух рассказов. У Чапека пан Томшик сначала летает во сне, а затем обнаруживает это умение, когда бодрствует. У Иртеньева — тот же сюжетный элемент, но в зеркальном отражении: Глеб Никитич летает по-настоящему, а в итоге его полеты происходят лишь во сне.

Таким образом — в полусне — проходит, по Иртеньеву, жизнь всех современных людей. Реальность же предстает только в виде повседневного быта, в котором, как подчеркивает автор, нет места ничему святому: достаточно вспомнить, с какой иронией описывается поведение «целителя»-еврея или отношение Глеба Никитича к крещению («Я ж только год назад покрестился. Сосед Пашка достал. Пошли, говорит, вдвоем прикольной как-то»). «Страж небесный» в этом смысле — подчеркнуто возвышенное название, которое в сопоставлении с сутью рассказа производит впечатление практически оксюморонного контраста.

Обратим внимание, каков в целом тон повествования у Иртеньева и у Чапека. Здесь тоже просматривается определенная родственность, и она заключается в полном отсутствии какого-либо пафоса. Чапек пишет о возвышенном просто, со свойственным ему мягким юмором и легкой иронией, словно делая описываемое необычное явление ближе читателю. Так, например, он изображает первый полет своего героя: «Томшик [...] разбежался и оттолкнулся левой ногой, словно прыгая через лужу... и вдруг вознесся на три-четыре метра и невысокой дугой пролетел над землей. Он даже не удивился: это и в самом деле оказалось совсем просто и лишь приятно волновало, как катание на карусели [...] Пролетев метров тридцать, он уже приблизился было к земле, но увидел, что опускается в самую грязь. Тогда он заболтал ногами, как делал во сне, и в самом деле опять взлетел повыше». Позже герой демонстрирует свое чудесное умение репортеру: «Теперь смотрите, господин репортер, — сказал Томшик, оттолкнулся ногой от земли и взлетел на высоту примерно пяти метров. Там он начал выделять всякие выкрутасы, спускался до земли, снова поднимался, махая руками, и даже провисел в воздухе полных восемь секунд». В похожем ключе описывает полет и Иртеньев: Шумаков «залез на стол, несколько раз, крикнув, присел, разведя руки, затем с усилием оттолкнулся, сделал несколько медленных кругов по кабинету, после чего вылетел в коридор [...], неловко развернулся и направился обратно, сопровождаемый неодобрительным взглядом пожилой сестры».

Однако оттенки комического у двух авторов заметно различаются. В словах Чапека о своем персонаже — о «яром спортсмене, не пропускающем ни одного футбольного матча и собирающемся приобрести шагомер» — слышится добрая усмешка, улыбка, а смех Иртеньева над Шумаковым и остальными героями рассказа воспринимается как более жесткий, на грани с сарказмом. Выражаясь образно, у Чапека, даже несмотря на ироничность повествования и печальный для Томшика финал, все-таки показана поэзия и красота самой идеи полета; в «Страже небесном» — изображена абсолютно беспросветная проза жизни.

В принципе, такой взгляд на действительность проявляется у Игоря Иртеньева не только в этом рассказе, но и в его стихотворном творчестве. За автором прочно закрепилось определение «антилирик». Впрочем, внимательный читатель все-таки обнаружит в его текстах и глубокое личное сопереживание, некую затаенную боль. Критик Валерий Хаит в связи с этим говорит о нем: «Иртеньев — лирик наоборот. Он утверждает, отрицая [...] Автору при всей его иронии не удастся скрыть некоторые нюансы личного эмоционального опыта» [ХАИТ 2016].

Карел Чапек и Игорь Иртеньев представляют в литературе совершенно разные эпохи, и потому надежду на обретение крыльев они выражают созвучно тому состоянию, в котором пребывает современное им общество. Но диалог двух авторов, разделенных практически целым веком, все же складывается благодаря общей идее: если человек не стремится к обновлению, если он не готов бросить вызов среде, а прежде всего — самому себе, то невозможно сложить и лучшее будущее. Созвучны этой мысли и слова Николая Бердяева: «В новые времена иссякает в господствующем сознании творческое дерзновение [...] Когда обращаемся к прошлому, часто поражаемся творческому дерзновению наших предков: они дерзки *быть*, мы же потеряли смелость *быть* [...] Нашу эпоху разъедает болезненная рефлексия, вечное сомнение в себе, в своих правах на обладание истиной, принижает нашу эпоху дряблость веры, слабость избрания, не осмеливаются слишком страстно и непоколебимо объясняться в любви к чему-то и к кому-то, мямлят, колеблются, боятся, оглядываются на себя и на соседей. Раздвоение и расслабление воли уничтожает возможность дерзновения» [BERDJAJEV 1989, 14–15].

Едва ли можно сомневаться, что в литературе эта тема будет разрабатываться снова и снова, реагируя на все изменения в социуме, а потому — воплощаясь в новых формах, с новыми аспектами содержания.

Библиография:

- BERDJAJEV, N. (1989): *Filosofija svobody. Smysl tvorčestva*. Moskva. *Beseder. Ĵumorističeskij žurnal*. www.beseder.ru. [online]. [cit. 20. 10. 2016].
- ČAPEK, K. (1958): *Človek, kotoryj umel letat'*. Inostrannaja literatura, 1958, č. 10, s. 76–89.
- ČAPEK, K. (1958–1959): *Sočinenija v 5 tomach*. Moskva.
- ČAPEK, K. (1988): *Človek, kotoryj umel letat'*. In: ČAPEK, K.: *Rasskazy. Očerki. Ĵumoreski*. Sostavitel' S. V. Nikolskij. Moskva, s. 131–137.

- ČAPEK, K. (2016): *Čelovek, kotoryj umel letat'*. Moskva.
- CHAIT, V. (2016): *Igor' Irten'jev, poët i graždanin. Zametki pristrastnogo čitatelja. Setevaja slovesnost'*. <http://www.netslova.ru/hait/ii.html>. [online]. [cit. 20. 10. 2016].
- CHEMINGUÈJ, È. (1959): *Pisatel' i vojna*. In: CHEMINGUÈJ, È.: *Izbrannyje proizvedenija v 2 tomach*. Pod red. I. Kaškina. Moskva. http://www.ocr.krossw.ru/html/heminguey/heminguey-pisatel_war-ls_1.htm. [online]. [cit. 20. 10. 2016].
- IRTEN'JEV, I. (2014): *Straž nebesnyj*. In: MAŠKOVSKAJA, I., VAVILOV, O. (red.): *Kniga volšebnych istorij, radi kotoroj objedinilis' te, kogo objedinit' nevozmožno*. Moskva.
- L'VOVA, V. (2016): «*Kogda ot menja usilenno ždut šutki, ja zvereju*» (interv'ju s pisatelem Igorem Irten'jevym). <http://www.irteniev.ru/misc.php3?id=0000004>. [online]. [cit. 20. 10. 2016].
- NABOKOV, V. (1915): «*Prevrašenije*» *Franca Kafki (1915)*. Èlektronnaja biblioteka «Vehi». <http://www.vehi.net/kafka/nabokov.html>. [online]. [cit. 20. 10. 2016].
- SKVORCOV, A. (2001): «*Už ne parodija li on?*» (*Ob intertekstual'nosti poëzii I. Irten'jeva*). In: KUBANOV, I., ZELINSKI, J., CHENZELER, D., DOBRICYN, A. (red.): *Polonica. Rossica. Cyclica. Professoru R. Figutu k 60-letiju. Dom intellektual'noj knigi*. Moskva, s. 285–302.
- SVINARENKO, I. (2007): *Poët Irten'jev. On že Pravdorub i Rabinovič*. Medved', 2007, č. 108.

Summary

Will We Fly? Searching for the Answer in Karel Čapek's and Igor Irteniev's Stories

The theme of inner freedom, which unfolds in the symbols of flight, wings, sky, and clouds, goes back to the ancient literature (Ancient Sumer, Egypt, and Greece). Later on, it is brought up again by the authors (both poets and novelists) of the Romanticism and the Silver Age. And it is still up-to-date for the contemporary literature, which is sensitive to social, political, and psychological changes in the society, accordingly. This article reviews the affinity of Karel Čapek's and Igor Irteniev's short stories. Both authors use the symbol of wings in their works, and similarly cover the topic of finding inner freedom and daring.

Об авторе

Natalia Sergeevna Rubtcova, MBOU «Gymnasium 38», Dzerzhinsk, Russia,
chuvel1@yandex.ru

